
КЛАСС, ГЕНДЕР И СУБЪЕКТИВНОЕ БЛАГОПОЛУЧИЕ НА НОВОМ РОССИЙСКОМ РЫНКЕ ТРУДА: ЖИЗНЕННЫЙ ОПЫТ МОЛОДЕЖИ В УЛЬЯНОВСКЕ И САНКТ-ПЕТЕРБУРГЕ

Ч. Уокер

В статье на материалах этнографических исследований среди учащихся и выпускников профтехучилищ в Ульяновске и Санкт-Петербурге рассматриваются процессы взросления рабочей молодежи в современной России. Статья фокусируется на планах юношей и девушек в отношении занятости в промышленном и сервисном секторах, а также на меняющихся субъективных измерениях социального неравенства среди молодых представителей рабочего класса. В то время как новые сектора экономики выглядят как многообещающие с точки зрения трудовой идентичности для девушек (хотя и воспроизводят гендерные различия в заработной плате), нарративы юношей, по-прежнему ориентирующихся на занятость в промышленном секторе, указывают на индивидуализацию социального неравенства, поскольку в прежних нарративах о классе они уже не находят точку опоры.

Ключевые слова: занятость, молодежь, рабочий класс, субъективное благополучие, Россия

Введение

В статье рассматриваются трансформации опыта переживания неравенства среди молодых рабочих и их классовой идентичности, которая конструируется в связи с гендерной структурой новых форм занятости. На Западе изменения, касающиеся перспектив и будущего рабочей молодежи, связаны с деиндустриализацией и переходом от трудоустройства на производстве к занятости в сфере услуг. Это, в свою очередь, приводит к разрушению привычной схемы «школа – завод», характерной для послевоенного периода. В частности, для юношей – выходцев из рабочих семей,

отсутствие работы, связанной с использованием ручного труда, а также широкомасштабная «феминизация» рынка труда не только свели на нет возможности трудоустройства, но и подорвали традиционную культуру профессионального обучения [Cohen, Ainley, 2000; MacDonald, Marsh, 2005; McDowell, 2003; Nayak, 2006]. В постсоветской России деиндустриализация приняла несколько иную форму, что явилось следствием распада экономической системы, управляемой государством, а не перехода к передовой, «основанной на знаниях» экономике. В результате промышленный сектор не подвергся постепенной рационализации в пользу более доходных форм экономической деятельности. Он продолжал жалкое существование, являясь сферой, как правило, низкооплачиваемого труда, так как старые советские предприятия, адаптируясь к новым условиям, подверглись незначительной реструктуризации [Капелюшников, 2001; Schwartz, 2003]. Для рабочей молодежи (в данном исследовании речь идет о выпускниках училищ начального профессионального образования (ПТУ), или профучилищ) это означает, что итогом привычной схемы «школа – завод» теперь является низкая заработная плата и невысокий престиж профессии [Walker, 2011]. Цель данной статьи заключается в анализе материального и символического истощения этой схемы, которое испытали на себе юноши и девушки, направленные на так называемую «бедную» (низкооплачиваемую) работу в государственные и бывшие государственные предприятия; а также в выявлении альтернативных форм занятости и самоопределения (для некоторых из них) в результате трудоустройства в другом месте.

Статья основана на двух кейс-стади, проведенных автором в Ульяновске (2004–2005) и Санкт-Петербурге (2007–2008)¹. Оба исследования в основном были посвящены изучению маршрутов взросления рабочей молодежи в России, а также выявлению различных барьеров социальной мобильности, с которыми сталкиваются молодые люди, например, при попытке переезда в другие города [Walker, 2010a], или для получения высшего образования [Walker, 2007, 2010b, 2011]. Однако целью исследования являлась также оценка благополучия и психосоциального здоровья молодых людей посредством анализа изменений субъективного опыта подрастающих представителей рабочего класса в постсоветской России [Walker, 2009]. В фокусе внимания – два ключевых аспекта происходящих изменений. Во-первых, речь идет о том, что для современной рабочей молодежи становится все труднее идентифицировать себя с занятостью в промышленном секторе или осознать значимость своего труда по причине материального и символического обнищания такой работы. Во-вторых, в статье говорится об изменениях в том, как молодые рабочие переживают их подчиненное положение на рынке труда, которое все в большей степени ощущается ими как ре-

¹ Имена респондентов, названия учебных заведений и предприятий были изменены в целях соблюдения принципа анонимности.

зультат личных недостатков и ошибок, чем как следствие рационального выбора, осуществляемого при поддержке традиционных форм идентичности рабочего. В статье обосновывается связь данных явлений с более широкими изменениями в сторону индивидуализации форм социального неравенства, которые наблюдаются в мировой неолиберальной экономике и становятся все более очевидными в контексте особенно острого, ожесточенного неолиберализма в постсоветской России. Тем не менее эти явления необходимо рассматривать с позиции гендерного анализа, и шире, с точки зрения специфики постсоветского гендерного порядка, а именно: оба они в большей степени характерны для юношей, чем для девушек, и отражают высокую значимость проблемы занятости как источника социальной идентичности мужчин [Ashwin, Lytkina, 2004; Kay, 2006] и появление новых форм труда (а следовательно, и новых возможностей) для женщин.

Символическое обнищание ручного труда: от преклонения до клеветы

В советский период государственная пропаганда, политика в отношении заработной платы и ряда других социальных выплат давали рабочим сравнительно высокий социальный статус. Поэтому их позиция в советской «символической экономике» была относительно высокой по сравнению со статусом рабочих в капиталистических обществах. Но в постсоветский период ситуация резко изменилась, возможно, в результате необходимости отказа от советского прошлого и его классовых обид [Lampland, 2002; Connog, 2002]. Рабочий класс и присущие ему формы занятости дискурсивно конструируются как отставшие, бессмысленные и в конечном счете ненужные.

В действительности, подобную инверсию советской иерархии престижа можно обнаружить в ряде других постсоциалистических стран. Стеннинг, например, указывает на дискурсивный сдвиг в репрезентациях польского рабочего класса. Она обращается к журнальным статьям, в которых поселения рабочего класса (например, Нова Хута¹) представлены как безнадежные, ненужные, агрессивные, жалкие и патологичные места проживания, населенные «поколением беспомощных, зависимых и пассивных людей... лишенных какого-либо чувства ответственности за свою жизнь и врожденной предпринимательской жилки...» [Stenning, 2005. P. 983]. Кидекел указывает на аналогичные трансформации статуса шахтеров и промышленных рабочих в постсоциалистической Румынии, которые он называет «деконструированием» постсоциалистического рабочего класса. Изменение их символической позиции – «от преклонения до клеветы» [Kideckel, 2002] – приводит к тому, что «рабочие либо совсем исчезают

¹ Нова Хута – район Кракова, построенный для заселения работниками крупнейшего в Польше металлургического комбината. – *Прим. пер.*

из национальных средств массовой информации, либо появляются в виде малоузнаваемой карикатуры» [Kideckel, 2002. P. 30]. В России такого рода карикатуры стали обычным явлением. В последнее время было создано множество так называемых «сайтов ненависти», цель которых – получение удовольствия от изображения рабочих молодых людей в виде гопников. Этот уничижительный термин используется для обозначения рабочей молодежи как отсталой, неграмотной массы, населяющей окраины провинциальных городов [Каныгин, 2008; Стивенсон, 2009]. На таких сайтах как gorstop.org, gorov.net и bidla.net рабочая молодежь предстает в образе вечно пьяных, неграмотных, плохо одетых, «провинциальных» людей, несущих в себе некую угрозу. Такой портрет рабочей молодежи является не только продуктом комедийных веб-сайтов, но также обнаруживается и в более популярных средствах массовой информации, например в мужском журнале FHM и популярной телепрограмме «Наша Раша», являющейся своего рода индикатором социально-приемлемого юмора.

Ряд обозревателей утверждают, что столь уничижительные репрезентации рабочего класса стали результатом продолжающегося влияния социалистического прошлого на постсоциалистическое настоящее. Рабочие позиционируются как «другие» в силу своего привилегированного положения в советскую эпоху и неразрывную связь с ней по сей день. Лампланд, например, видит переоценку советской иерархии престижа как основной отказ от прошлого [Lampland, 2000. P. 13], солидарна с ним и Ривкин-Фиш, которая указывает на то, что современные образованные россияне склонны считать себя давними жертвами классовой экспроприации [Rivkin-Fish, 2009]. Однако, как утверждает Стеннинг, это отдается сильным эхом во всех западных обществах [Stenning, 2005]. Например, «сайты ненависти», репрезентирующие образ гопников, идентичны созданным в последние годы в Великобритании сайтам о так называемых chavs¹ (например, chavscum.com, chavtown.com). И, конечно, для британского общества сейчас характерна тенденция стереотипизированного изображения рабочего класса (к примеру, достаточно часто им приписывается проблема подросткового материнства) как беспомощного, безответственного и беднейшего слоя населения [Skeggs, 2005]. Размышляя над этими сходствами, Стеннинг связывает трансформацию статуса как постсоциалистического рабочего класса, так и традиционных форм ручного труда в постсоциализме с культурными изменениями более глобального характера. Они особенно заметны в неолиберальной экономике на Западе и, предположительно, повлияли

¹ Чав (от англ. chavs) — уничижительное прозвище определенной группы молодежи в Англии. К данной группе причисляют прежде всего подростков – выходцев из пролетарских семей, которые отличаются асоциальным поведением и нередко привлекаются к ответственности за нарушение общественного порядка и различные формы подростковой преступности. – *Прим. пер.*

на взаимосвязь занятости социальной идентичности и, в свою очередь, на понимание социального неравенства [Stenning, 2005].

Трансформация работы, идентичности и «социального неравенства»

Анализируя происходящие изменения в способах оценки труда и занятости, Бауман исследует трансформации смыслового содержания труда в западных обществах в контексте доминирования конsumerизма как площадки для формирования социальной идентичности [Bauman, 1998]. Он утверждает, что при переходе от «общества производителей» к «обществу потребления», протестантская трудовая этика (ранее предававшая значение всем формам труда) подменяется «эстетикой потребления» таким образом, что сам труд становится объектом эстетической оценки [Bauman, 1998. Р. 32]. Поэтому карьера мобильного, финансово устойчивого работника сферы услуг возводится в ранг эстетического опыта, в то время как иные, менее желательные, формы труда не ценятся вообще: «они считаются настолько "дешевыми" и недостойными, что, даже обладая богатым воображением, невозможно представить, что выбор таких форм занятости является добровольным» [Bauman, 1998. Р. 33]. Таким образом, Бауман утверждает, что при современных формах капитализма труд все реже становится источником чувства собственной значимости и связующим звеном между этапами жизненного пути. Как и Ричард Сеннетт [Sennett, 1998], он полагает, что за непродолжительный период капитализма в США произошла «коррозия характера»¹. Согласно данным высказываниям, а также по мнению ряда других авторов, изменения самой формы труда отражаются на социальных биографиях и степени взаимосвязи между нашими ощущениями того, кто мы есть, с одной стороны, и тем, что мы делаем, с другой. Для Баумана, к примеру, эта связь уже не столь очевидна, по сравнению с «обществом производителей». И самое главное, господство потребления формирует наше восприятие, наш взгляд, но не на тех, кто беднее нас в материальном плане, а на так называемых бедных потребителей – тех, кто выбирает неверный жизненный путь и ведет неприемлемый образ жизни. Именно по этой причине гопники и чавы являются объектами нападок и насмешек: мы смеемся не над их бедностью, а над их образом жизни и скудным потребительским выбором.

Чуть более оптимистичная интерпретация изменяющегося характера занятости в западных обществах предложена Ульрихом Бекон. Он утверждает, что переход от стандартных форм занятости, характерных для «раннего модерна» промышленного капитализма, к новым видам занятости фактически

¹ Одноименная книга Ричарда Сеннетта посвящена раскрытию внутренней логики трансформации положения личности и характера человека в результате радикального изменения места и роли работы в процессе становления «нового» капитализма. – *Прим. пер.*

способствовал созданию условий для большего равенства [Beck, 1992]. Бек полагает, что на более развитых рынках труда, в экономике, основанной на знаниях, самостоятельный выбор и индивидуальные достижения способствуют нивелированию границ «класса» и «гендера», которые ранее формировали предсказуемые и часто ограниченные трудовые биографии на рынке труда [Beck, 1992. Р. 94]. Бек трактует это как часть крупномасштабных изменений, связанных с переходом к более индивидуализированному обществу, в котором социальные характеристики (такие как социальный класс) уже не определяют жизненные сценарии. В то же время это не означает, что теперь мы имеем возможности для само- и переопределения, но мы вынуждены это делать, потому что традиционные жизненные сценарии более не существуют [Beck, 1994. Р. 13; Beck and Beck-Gernsheim, 2002. Р. 30].

Кроме того, Бек предлагает не просто отойти от традиционных моделей социальной стратификации, но, скорее, полагает следующее. Хотя измененная система образования и новые формы занятости в секторе услуг способствовали созданию ряда возможностей для самоопределения, традиционные формы классового неравенства (определявшие жизненные шансы людей в прошлом) по-прежнему значимы, невзирая на то, что иллюзия выбора и личностного (пере)определения нивелировали роль класса как социальной идентичности. Другими словами, класс больше не может «работать» как социальная идентичность, но он и не исчезает, по-прежнему оставаясь маркером стратификации общества. Именно поэтому изменения масштабов социального неравенства и субъективного благосостояния в России становятся особенно заметными. Наряду с принижением идентичности рабочего класса и его образа жизни, очевидна так называемая «индивидуализация социального неравенства» [Beck, 1992], под которой У. Бек понимает возрастание личной ответственности людей за воспроизводство старых образцов социальной стратификации (а не привычных социальных биографий) как результат их индивидуального выбора, основанного на личном жизненном опыте. В терминах Ч. Р. Миллса, общественные вопросы как корень всех личных проблем отступают пока на задний план, дабы остаться незамеченными. В свою очередь, это становится еще одним аспектом субъективного опыта социального неравенства.

Субъектность рабочего и постсоветский гендерный порядок

Трансформации сферы занятости, обозначенные теоретиками рефлексивной модернизации, выражались в высокой степени гендерной конвергенции, являющейся одновременно и причиной, и следствием данных изменений. То есть, поскольку участие женщины в сфере образования и на рынке труда возрастало, возможности сохранения традиционных патриархальных отношений предположительно сокращались, и по-видимому, испытывая

на себе нарастающее давление, и мужчины, и женщины «сочетались браком» не друг с другом, а с рынком труда [Beck, Beck-Gernsheim, 2002. P. 31–32]. Несмотря на эти и иные аргументы, согласно которым гендерные отличия на самом деле являются предметом процессов ре- и детрадиционализации [Adkins, 1999], абсолютно очевидно, что преобразования сферы занятости по-разному воспринимались мужчинами и женщинами. Это связано с различиями их «стартовых позиций» как акторов на рынке труда и дифференцированной роли занятости в гендерном конструировании социальной идентичности.

Конечно, в России потеря работы или статуса расценивались как важнейший фактор, определяющий низкий уровень благополучия мужчины [Kiblitkaya, 2000; Ashwin, Lytkina, 2004]. При этом женщины считались более подготовленными и способными к решению острых проблем постсоветской действительности [Buckley, 1997]. В данных утверждениях отражаются доминирующие конструкты мужской и женской идентичности в советской и постсоветской России. Уотсон, например, указывает на «неадекватный» характер маскулинности в период государственного социализма, которая была фактически выстроена на социальной роли «трудящегося», исполняемой мужчиной в социуме [Watson, 1994]. Большинство мужчин не обладали достаточной независимостью и в основном исполняли «неблагодарные» роли, и поэтому они были плохо подготовлены к борьбе со «скрытой угрозой социализма», в качестве иллюстрации которой приведем пословицу: мы делаем вид, что работаем, они делают вид, что нам платят. И хотя женщины получали ничуть не большее вознаграждение и удовлетворение от собственного труда, их дополнительные роли – матери и хранительницы домашнего очага – давали им больше возможностей для самореализации. Эти различия – между «ограниченной» маскулинностью и более многогранной (и несущей двойную нагрузку) феминностью – явились новым доминантным дискурсом в постсоветский период: подчеркивалась необходимость исполнения мужчинами более инициативных ролей в экономике, а также возвращения им «полномочий» главы семьи и хозяина дома [Watson, 1993; Ashwin, 2000; Rotkirch, 2000. P. 252]. Однако это возрастающее давление общественных ожиданий, требующих от мужчин исполнять традиционно мужские роли возникло в то время, когда реальные возможности для этого были весьма ограничены в связи с распадом старой советской экономики [Kay, 2006]. С учетом данных особенностей постсоветского гендерного порядка, несмотря на широкий спектр дискриминационных практик в отношении женщин [Bridger, Kay, 1996. P. 22–25], можно предположить, что «скрытая угроза неолиберализма» в контексте преобразований сферы занятости в наибольшей степени коснется российских мужчин. Кроме того, среди молодежи, занятой в низкооплачиваемом секторе рынка труда, чаще девушки, а не юноши, имеют больше шансов на личностное «переосмысление» и самосовершенствование. Об этом и пойдет речь дальше.

Учиться трудиться в Ульяновске

Ульяновск – крупный промышленный город в Поволжье. В местной экономике доминируют крупные промышленные предприятия, в отличие от ориентированных на сервисное обслуживание торгово-финансовых регионов, таких как расположенные по соседству Самара и Казань. Именно поэтому Ульяновск был выбран для проведения кейс-стади и изучения изменений, происходящих в среде рабочей молодежи. Как и по всей России, промышленные предприятия Ульяновска претерпели незначительную реструктуризацию в начале 1990-х годов: уровень открытой безработицы оставался низким, а так называемые «административные» отпуска (по принуждению) и задержки или невыплаты и без того «усохшей» заработной платы стали такой же широко применяемой практикой, как и более «традиционные» формы эксплуатации, например низкий уровень оплаты сдельного труда. Несмотря на экономический подъем в России конца 1990-х, эти проблемы не исчезли. Не были они решены и на предприятиях, предлагавших свои вакансии респондентам – 65 учащимся и 35 выпускникам ПТУ. Таким образом, материальное и символическое обнищание традиционных форм ручного труда, доступных для рабочей молодежи, стали основными темами данного исследования. В то время как респонденткам в основном предлагали работу швей-мотористок или вакансии на предприятиях пищевой промышленности, юноши могли быть трудоустроены на крупные заводы в качестве сварщиков или станочников:

А чему нравится [там]? Деньги не платят, ничего не платят, а кому понравится бесплатно ходить, никому не нравится. Там же никому не платят: ни ученикам, ни рабочим. И толку оставаться на рабочем месте. Это просто людям деваться некуда, вот они и работают за копейки из года в год (Сергей, 18 лет, слесарь-ремонтник).

Вполне понятно, что выбор такой формы занятости большинством респондентов расценивался как абсолютно бессмысленный. И вместо того, чтобы воспользоваться весьма скудными возможностями трудоустройства на заводах, респонденты прибегали к ряду стратегий, направленных на достижение социальной мобильности. Наряду с попытками переехать в другие города, особой популярностью пользовались стратегии, связанные с получением высшего образования – чаще всего по заочной или дистанционной форме обучения. В самом деле, возрастающая значимость высшего образования (с точки зрения поиска новых перспектив на рынке труда), наряду с обесцениванием труда на промышленных предприятиях, были общей темой в ответах респондентов:

Ну, у нас в стране нечего делать без высшего образования. Только с лопатой в руке ты будешь работать (Руслан, 18 лет, художник-декоратор).

Как уже упоминалось, в фокусе данного исследования – барьеры, с которыми сталкиваются молодые люди на пути реализации различных образовательных, миграционных и трудовых стратегий, а также социальные, культурные и материальные ресурсы, используемые ими для достижения поставленных целей. Социальная мобильность респондентов была затруднена в основном потому, что в таких городах, как Ульяновск, «бедная» (низкооплачиваемая) работа на классических промышленных предприятиях была практически единственным возможным вариантом трудоустройства. В высказываниях респондентов старшего возраста, несколько лет назад вступивших в сферу труда, были слышны нотки сожаления о выборе, который они сделали ранее в своей жизни, потому что найти возможности вне промышленного сектора было нереально:

Я в школе плохо учился, и желания в школе не было учиться. Хотелось быстрее закончить школу. 9 классов отучиться, потом куда-нибудь в училище идти. То есть такие вот были настроения... В училище более так предпочтительнее было для меня учиться... Сейчас, конечно, я думаю, да, надо было в 11 класс идти... Но сейчас поздно уже. Поздно понял... сейчас я думаю, просто это. В школе хочется учиться... Что сейчас жизнь и что раньше, пока в школе. Как бы вернуть все это хочется (Андрей, 20 лет, слесарь/наладчик).

Именно такого рода личные неудачи являются иллюстрацией «индивидуализации социального неравенства», о котором писал У. Бек. Исчезновение старых и появление новых возможностей не «освобождает» таких молодых людей от традиционных перспектив, с которыми они сталкивались в прошлом. Это лишь обрекает их на «чувство вины и тревоги» [Beck, 1992. P. 100], поскольку социальное неравенство начинает приобретать субъективный характер и становится результатом «плохого выбора» и личных недостатков. Важно, что эти настроения в наибольшей степени были характерны для юношей. Я вернусь к этой теме ниже, в ходе анализа опыта молодежи Санкт-Петербурга.

Санкт-Петербург

Основной причиной для проведения кейс-стади в Санкт-Петербурге было то, что, в отличие от Ульяновска, здесь есть относительно здоровый промышленный сектор и быстро растущий рынок услуг. Идея заключалась в том, чтобы выявить, каким образом эти особенности экономики города влияли на формирование потенциальных возможностей рабочей молодежи. Как и в Ульяновске, здесь были проведены интервью среди юношей и девушек, обучающихся в профессиональных училищах, расположенных по всему городу. В общей сложности в исследовании приняли участие 65 человек из восьми училищ. На момент проведения исследования многие профучилища были уже переименованы в колледжи и лицеи, что является отражением

процесса их «переосмысления» и реорганизации на протяжении последних лет. Причиной изменений явилась необходимость оперативно реагировать на требования рынка и, следовательно, выглядеть более привлекательными для потенциальных студентов. Многие учебные заведения, переименовав себя в «колледжи» и «лицеи» (ранее так назывались только учреждения среднего, но не начального профессионального образования), надеялись избавиться от сложившегося образа профучилищ как последнего убежища для наименее способных и наименее дисциплинированных студентов. Наряду с ребрендингом многие колледжи установили связи с высшими учебными заведениями (в большинстве случаев это были новые вузы, появившиеся в последние годы) с целью набрать в дальнейшем «академический вес». И хотя сценарий развития был общим для всех колледжей, все же были и некоторые различия, особенно в гендерном аспекте.

Интерактивная сервисная работа – новые проявления женственности представительниц рабочего класса

Из всех исследуемых училищ два являются «женскими», а шесть остальных можно поровну разделить на «мужские» и «смешанные». То, что сразу бросается в глаза в так называемых «женских» училищах (Невский туристический колледж, Выборгский Лицей моды, а также «смешанный» Петропавловский технический колледж) – это изменение программ обучения: от традиционных производственных курсов к тому, что можно назвать «интерактивной сервисной работой». То есть традиционно «женские» курсы швейного мастерства и технологии приготовления пищи были закрыты, а им на смену пришли управление гостиничным хозяйством, секретарское дело, косметология и туризм. В определенной степени это является следствием развития сферы услуг в экономике города – туризм, например, всегда существовал в Санкт-Петербурге, но стал стремительно развиваться в последние годы. С другой стороны, и традиционные отрасли промышленности, такие как производство одежды, никуда не исчезли. В действительности, смена учебных программ – это, скорее, реакция учебных заведений на спрос и предпочтения абитуриентов, нежели на потребности рынка труда. Так, например, менеджер одного небольшого производства жаловался, что они были просто не в состоянии найти молодых женщин на имеющиеся вакансии и что профучилища, с которыми они сотрудничали, вообще перестали выпускать швей-мотористок.

Сравнивая формы занятости представительниц рабочего класса в советское время и в современной провинциальной России, нетрудно понять, почему интерактивная сервисная работа была так привлекательна для молодых женщин в Санкт-Петербурге. Как и везде в мире, эти виды занятости отражали воспитание «врожденных» женских качеств, так что респондентки из Ульяновска в большинстве случаев обучались работе на предприятиях

пищевой промышленности или получили образование швей. Как и в советское время, такая работа ценится и оплачивается гораздо ниже, чем типично мужская, например в области машиностроения. Таким образом, представления о «врожденных мужских и женских» качествах и навыках всегда были ключевым фактором гендерного неравенства в сфере труда. С развитием интерактивной сервисной работы ситуация никоим образом не изменилась. Та работа, которую стремились получить девушки в Санкт-Петербурге, по-прежнему оплачивалась значительно ниже, чем труд молодых мужчин, однако требовала теперь других «врожденных женских» качеств и умений. Причем речь идет не о «бытовых» навыках (таких как шитье и готовка). На повестке дня – новые «эстетические» формы физического труда, связанные с коммуникабельностью и навыками презентации, внешним видом и манерой поведения. Именно из-за возможностей оплачиваемой занятости, требующей таких качеств и навыков, интерактивная сервисная работа была столь привлекательна для молодых женщин в Санкт-Петербурге. В отличие от привычных «тяжелых» форм женского труда в производственном секторе, интерактивная сервисная работа предоставляла возможность репрезентировать свою физическую привлекательность, что не противоречило, а напротив, было созвучно «мягкой», традиционно женской идентичности. Более того, существование такого рода «трудовых» идентичностей напрямую связано с возрождением «традиционных» форм маскулинности и феминности [Watson, 1993; Kay, 2006]. И несмотря на возможные последствия в развитии гендерной политики России и дебаты о (не)перспективности такой работы для женщин [Wolkowitz, 2006. P. 76], именно этот аспект ее был столь привлекателен для респонденток:

Для нас, для девочек, лучше работать где-нибудь с людьми, чем заниматься каким-то физическим трудом... (Катя, 18 лет, секретарь).

Хотелось бы в гостинице... <или> администратором, менеджером. То есть или общение с людьми или также просто как бы, с бумагами, ну секретарем или еще чего-нибудь (Ирина, 18 лет, менеджер гостиничного бизнеса).

Помимо этого интерактивная сервисная работа позволяла девушкам формировать новую, более привлекательную, «трудовую» идентичность не только в гендерном, но и в классовом аспекте. Причем ее формирование базировалось не на высоком уровне вознаграждения за труд в секторе услуг, а на символическом и культурном капитале, которым (якобы) обладали данные формы занятости. Образ занятой в индустрии гостеприимства молодой женщины, изображенный в информационных буклетах и на сайтах колледжей, был призван проиллюстрировать тесную связь такой работы с новой, высокотехнологичной реальностью западного типа, к которой так стремится постсоветская Россия; и в то же время продемонстрировать отсутствие какой-либо связи с реалиями советского прошлого, в котором

преобладал акцент на доминирование производства над потреблением. Одним из основных источников символического капитала интерактивной сервисной работы оказались те ассоциации с Западом, которые вызывала занятость в данной сфере. Они могли быть вызваны звучащими на западный манер названиями должностей (например, менеджер, дизайнер, стилист или визажист) или же возможностью трудоустройства в отелях и компаниях, соответствующих западным стандартам. Таким образом, девушки, нацеленные на карьеру в индустрии гостеприимства, не рассматривали возможность работать в старых, советского типа гостиницах и «обычных парикмахерских», но стремились стать «стилистом» в «салоне»:

Нас распределяли <на практику> просто моих однокурсниц некоторых там, кто в гостиницу «Европа», там «Рэдиссон» отель... там 4-, 5-звездочную... Вот я была в «Европе» в гостинице вчера. Шикарная гостиница... как бы это, это считается как за рубежом. Гостиница как бы, она сотрудничает там с английской компанией, с американской, по-моему, точно не могу сказать (Ирина, 18 лет, менеджер гостиничного бизнеса).

Конечно, реалии карьерного роста в сфере интерактивной сервисной работы были не столь однозначными. Уровень квалификации, полученный в ПТУ, не позволял этим молодым женщинам занимать те должности, которые они искали. И даже более старшие респондентки, получившие высшее образование, не достигли существенных успехов в карьере, в том числе с точки зрения повышения уровня заработной платы.

Тем не менее даже те, кто начинал с довольно низких стартовых позиций, могли в некотором смысле «инвестировать» себя в эти виды занятости и идентифицироваться с ними. По крайней мере, с точки зрения респонденток, работа в сфере интерактивного сервиса не представлялась им тем «жалким трудом», о котором писал Бауман и который был распространен в Ульяновске. А вот занятость на производстве была именно тем видом работы, который хотели бы избежать питерские респонденты:

Интервьюер: Ты работала бы на фабрике, на заводе?

Нет!.. ну там я не очень переносу однотонную работу, постоянно. А на фабриках там же всегда делаешь одно и то же. И нету, как бы, художественного ничего нет (Альбина, 19 лет, менеджер в сфере общественного питания).

Маскулинность представителей рабочего класса: от рабочих до менеджеров?

Несмотря на то, что ПТУ решительно перешли к процессу обучения девушек по специальностям сферы интерактивной сервисной работы, обучение юношей по-прежнему было сосредоточено исключительно на традиционных профессиях, таких как сварщик, машинист и автомеханик.

Из трех преимущественно «мужских» колледжей ПУ № 98 заключило партнерское соглашение с ГУП «Госэлектросеть»; Лицей № 24 – с Автозаводом, который существует на протяжении долгих лет, традиционно выпускает машины и до сих пор имеет центральное положение в секторе тяжелого машиностроения города; а Лицей при железной дороге направляет своих студентов на инженерные работы на свои предприятия. На момент проведения исследования эти работодатели предлагали начальную заработную плату в размере 15 000 рублей.

Во многих отношениях рабочая молодежь в Санкт-Петербурге оказалась в лучшем положении, чем их сверстники в Ульяновске. В отличие от своего рода «бедной» работы, доступной в провинциальной России, здесь работа была достаточно хорошо оплачиваемой, и ее было в действительности много. Однако в то же время доступные им формы занятости не позволяли им соответствовать традиционным образцам маскулинности. Из интервью с молодыми людьми становится ясно, что роль кормильца семьи является центральной в их планах на будущее: большинство юношей говорили о необходимости в дальнейшем обеспечивать свою семью и заботиться о родителях. Аналогичные ожидания проходят красной нитью и в интервью с девушками. Однако они надеются, что мужчина в семье будет зарабатывать больше, и тогда им не придется выполнять роль кормильца. И хотя заработок молодых людей действительно был значительно больше, их все же преследовало сильное чувство разочарования и безысходности, связанное с ограниченными и ограничивающими их перспективами. Так один из респондентов рассуждает о том, как будет погашать ипотеку с зарплаты, которую он будет получать через несколько лет работы на железной дороге:

Ну, это, в принципе, получил зарплату и всю ее отдал... Ну а как жить, семья, дети, и вот что квартира есть, и все вот это отдавать. Получил – отдал, получил – отдал... а снимать, ну в среднем, если живешь с семьей, хотя бы двухкомнатную квартиру, это хотя бы тысяч двадцать пять-тридцать в месяц отдавать... Ну это тоже, если посудить, тоже вся зарплата (Саша, 18 лет, электрик подстанции).

Наряду с ощущением, что имеющиеся вакансии не позволят им выполнять свою будущую роль кормильца семьи (в силу низкого уровня оплаты труда), в интервью с молодыми людьми четко прослеживалась идея девальвации традиционных форм ручного труда на более символическом уровне. Как один респондент выразился, он не может представить себя в своей профессии:

Интервьюер: ты жалеешь, что поступил сюда, а не в колледж?

Ну в принципе, да.

Интервьюер: И по поводу профессии тоже жалеешь?

Ну как профессия, не знаю, пригодится она, не пригодится... Ну как бы связывать свою жизнь с этой профессией я не хочу (Михаил, 17 лет, оператор станка).

Именно такие настроения являются отражением процесса диффамации¹ постсоциалистического рабочего класса, о котором писали А. Стеннинг и Д. Кидекел в своих работах, основанных на исследованиях, проведенных в Польше и Румынии. В России все чаще формы занятости рабочего класса репрезентируются как отсталые и неприглядные, и молодые люди в Санкт-Петербурге, также как респондентки, не желают иметь к ним никакого отношения. Молодежь Санкт-Петербурга и их сверстники в Ульяновске находились в поиске новых вакансий на рынке труда, стремясь к социальной мобильности и самоутверждению за счет получения высшего образования.

Подобно тому, как молодые женщины конструировали новую феминность сквозь призму интерактивной сервисной работы, молодые люди пытались построить новые формы мужественности, базируясь на высшем образовании. Это становится очевидным в процессе сравнительного анализа высказываний юношей об их опыте обучения и о планах на будущее. Говоря о том, почему они бросили учиться и стали рабочими-станочниками, большинство из них транслируют хорошо знакомые «классовые» дискурсы: «ненавидел школу», «предпочитаю работать своими руками», «не ладил с учителями». Все эти причины характерны для антишкольной, «протестной» маскулинности, речь о которой идет во многих исследованиях, посвященных опыту школьного обучения представителей рабочего класса (наиболее известное исследование было проведено Уиллисом [Willis, 1977]). Субъективное конструирование опыта и приводит юношей, выходцев из рабочих семей, на рабочие места. Однако, решив получить диплом в области управления или юриспруденции, молодые люди в Санкт-Петербурге начинали транслировать «управленческую» маскулинность, репрезентируя себя уже не в роли простого рабочего, а в роли образованного руководителя, не имеющего никакого отношения к ручному труду: «Если я пойду в университет, то я бы хотел на гуманитарные специальности, например менеджмент».

Однако здесь, как и в случае с девушками, очевидны некоторые классовые особенности. Студентам ПТУ (по сравнению с теми, кто остался учиться в школе) практически невозможно избежать службы в армии, поэтому такого рода планы на будущее весьма условны. Большинство респондентов осознавали, что они практически недостижимы после прохождения военной службы:

Ну, лично для меня кажется, что... в армии там забываешь все, как бы все знания, которые ты получил за все эти годы в лицее и потом уже, наверное, и не хочется даже учиться дальше, после армии, а сразу работать, поэтому надеюсь как бы отучиться до армии (Женя, 17 лет, механик).

¹ Диффамация (от лат. *diffamatio* – разглашение, распространение) – опубликование в печати сведений, действительных или мнимых, позорящих кого-либо. – *Прим. пер.*

Но поскольку армия фактически «черпает» новобранцев из системы профессионально-технического образования [Чередниченко, 2004. С. 401], это было маловероятно. И если девушкам «найти себя» было нелегко, то сделать это юношам было практически невозможно. Это усиливало чувство разочарования, и многие из молодых людей оглядывались на свой прошлый выбор с сожалением:

Мне предлагали оставаться [в школе], но я хотел поменять обстановку, то есть уйти дальше, ну я так и не продумал, я даже не смотрел... Не знаю, ну если бы я так думаю, шас... ну мне как, лень просто было учиться, то есть тогда, а шас, если бы я с нынешними размышлениями, я бы закончил одиннадцать классов (Михаил, 17 лет, оператор станка с ЧПУ).

Именно в этом высказывании, в сожалении и одновременно самообвинении находит отражение явление, описанное Бекком как «индивидуализация социального неравенства». Помимо новых возможностей для самоопределения и снижения значимости классовой принадлежности в процессе формирования идентичности, это влечет за собой еще и возрастание ответственности за собственный выбор. Тот факт, что респонденты считают сделанный ими выбор неудачным и неверным, указывает на то, что «класс», оставаясь маркером стратификации общества, уже не является основанием для формирования идентичности. Наилучшим образом обобщил эти идеи Бурдьё:

В то время как старая система продуцировала четко демаркированные социальные идентичности, которые оставляли мало места для социальной фантазии, но были удобны и вселяли уверенность... в новой системе, характеризующейся структурной неустойчивостью в репрезентации социальной идентичности и ее законных притязаний, агенты перемещаются из поля общественной критики и кризисов в пространство субъективной критики и кризиса личности [Bourdieu, 2003. P. 156].

Заключение

Судя по высказываниям респондентов – молодых представителей рабочего класса Ульяновска и Санкт-Петербурга – на сегодняшний день очевиден переход от коллективистских форм идентичности и самовыражения к индивидуализму, самокритике и «самобичеванию», о котором писал Бурдьё. Хотя уровень материального благосостояния молодых женщин в Санкт-Петербурге был значительно ниже, чем у их сверстников, девушкам было легче «вписаться» в существующие формы занятости и реализовать себя в сфере интерактивной сервисной работы, избежав при этом негативных сторон процесса индивидуализации. Данные отличия обусловлены двумя факторами. Во-первых, отношение молодежи к занятости отражает глубокие изменения, связанные одновременно с диффамацией

форм ручного труда в промышленном секторе и валоризацией новых форм занятости в развивающейся сфере услуг, для которой, по мнению молодых людей, занятых в низкооплачиваемом секторе рынка труда, характерны более феминизированные виды работ. Во-вторых, несмотря на то, что для всех респонденток кейс стади работа занимает центральное место в планах на будущее, ключевая роль занятости в конструировании маскулинности означает, что юноши в большей степени испытывают на себе психосоциальные последствия «упадка рабочего труда», что и наблюдается в постсоветской России. Это, несомненно, находит отражение в многочисленной литературе о проблемах здоровья и благополучия в России, авторы которой указывают на несколько парадоксальную ситуацию: явно выигрывая в силу существенного гендерного разрыва в оплате труда, мужчины (особенно рабочих специальностей) при этом находятся в более затруднительном положении с точки зрения субъективного благополучия и психосоциального здоровья [Bobak et al., 2000; Pridemore, 2002].

Список источников

- Adkins L.* Community and Economy: A Retraditionalization of Gender? // *Theory, Culture and Society*. 1999. № 16 (1). P. 117–137.
- Ashwin S.* Introduction // *Gender, State and Society in Soviet and Post-Soviet Russia* / ed. by S. Ashwin. London: Routledge, 2000. P. 1–29.
- Ashwin S., Bowers E.* Do Russian Women Want to Work? in *Post-Soviet Women: From the Baltic to Central Asia* / ed. by M. Buckley. Cambridge: Cambridge University Press, 1997. P. 21–37.
- Ashwin S., Lytkina T.* Men in Crisis in Russia: the Role of Domestic Marginalization // *Gender & Society*. 2004. № 18 (2). P. 189–206.
- Bauman Z.* *Work, Consumerism and the New Poor*. Buckingham: Open University Press, 1998.
- Beck U.* *Risk Society: towards a New Modernity*. London: Sage, 1992.
- Beck U.* The Reinvention of Politics: towards a Theory of Reflexive Modernization // *Reflexive Modernization: Politics, Tradition and Aesthetics in the Modern Social Order* / ed. by U. Beck, A. Giddens, S. Lash. Cambridge: Polity Press, 1994. P. 1–55.
- Beck U., Beck-Gernsheim E.* *Individualization: Institutionalised Individualism and its Social and Political Consequences*. London: Sage, 2002.
- Bobak M., Pikhart H., Rose R., Hertzman C., Marmot M.* Socioeconomic Factors, Material Inequalities, and Perceived Control in Self-Rated Health: Cross-sectional Data from Seven Post-Communist Countries // *Social Science & Medicine*. 2000. № 51. P. 1343–1350.
- Bourdieu P.* *Firing Back: Against the Tyranny of the Market*. New York, London: New Press, 2003.
- Bridger S., Kay R.* Gender and Generation in the New Russian Labour Market // *Gender, Generation and Identity in Contemporary Russia* / ed. by H. Pilkington. London: Routledge, 1996. P. 22–25.

- Buckley M.* Post-Soviet Women: From the Baltic to Central Asia. Cambridge: CUP, 1997.
- Cohen P., Ainley P.* In the Country of the Blind?: Youth Studies and Cultural Studies in Britain // *Journal of Youth Studies*. 2000. № 3 (1). P. 79–95.
- Connor W.D.* Class, Status and Powerlessness: Workers in Postcommunist Russia // *The Legacy of State Socialism and the Future of Transformation*/ed. by D. Lane. New York: Rowman and Littlefield, 2002.
- Kay R.* Men in Contemporary Russia. The Fallen Heroes of Post-Soviet Change? London: Ashgate, 2006.
- Kay R.* Russian Women and Their Organizations. Gender, Discrimination and Grassroots Women's Organizations in Russia 1991–1996. Basingstoke: Macmillan, New York: St. Martin's Press, 2000.
- Kiblitckaya M.* 'Once We Were Kings'. Male Experiences of Loss and Status at Work in Post-communist Russia // *Gender, State and Society in Soviet and Post-Soviet Russia* / ed. by S. Ashwin. London, New York: Routledge, 2000. P. 55–70.
- Kideckel D.* Getting by in post-Socialist Romania: Labor, the Body and Working-Class Culture. Bloomington: Indiana University Press, 2008.
- Kideckel D.* The Unmaking of an East-Central European Working Class // *Postsocialism, Ideas, Ideologies and Practices in Eurasia* / ed. by C. Hann. London: Routledge, 2002. P. 114–132.
- Lampland M.* Afterword // *Altering states* / ed. by D. Berdahl, M. Bunzl, M. Lampland, Ann Arbor, MI: University of Michigan Press, 2000. P. 209–218.
- MacDonald R., Marsh J.* Disconnected Youth?: Growing up in Britain's Poor Neighbourhoods. Basingstoke: Palgrave, 2005.
- McDowell L.* Redundant Masculinities? Employment Change and White Working-Class Youth. Oxford: Blackwell, 2003.
- Nayak A.* Displaced Masculinities: Chavs, Youth and Class in the Post-Industrial City // *Sociology*. 2006. № 40 (5). P. 813–831.
- Pridemore W.A.* Vodka and Violence: Alcohol Consumption and Homicide Rates in Russia // *American Journal of Public Health*. 2002. № 92 (12). P. 1921–1930.
- Rivkin-Fish M.* Tracing Landscapes of the Past in Class Subjectivity: Practices of Memory and Distinction in Marketizing Russia // *American Ethnologist*. 2009. № 36 (1). P. 79–95.
- Rotkirch A.* The Man Question: Loves and Lives in Late 20th Century Russia. Helsinki: University of Helsinki, 2000.
- Schwartz G.* Employment Restructuring in Russian Industrial Enterprises: Confronting a "Paradox" // *Work, Employment and Society*. 2003. № 17 (1). P. 49–72.
- Sennett R.* The Corrosion of Character: The Personal Characteristics of Work in the New Capitalism. New York: W. W. Norton, 1998.
- Skeggs B.* The Making of Class and Gender Through Visualising Moral Subject Formation // *Sociology*. 2005. № 39 (5). P. 965–982.
- Stenning A.* Where is the Post-Socialist Working Class?: Working-Class Lives in the Spaces of (Post-)Socialism // *Sociology*. 2005. № 39 (5). P. 983–999.
- Walker C.* Classed and Gendered "Learning Careers": Transitions from Vocational to Higher Education in Russia // *Politics, Modernisation and Educational*

Reform in Russia: From Past to Present / ed. by D. Johnson. Oxford: Symposium Books, 2010b.

Walker C. From “Inheritance” to Individualization: Disembedding Working-Class Youth Transitions in Post-Soviet Russia // *Journal of Youth Studies*. 2009. № 12 (5). P. 531–545.

Walker C. Learning to Labour in Post-Soviet Russia: Vocational Youth in Transition. London, New York: Routledge, 2011.

Walker C. Navigating a “Zombie” System: Youth Transitions from Vocational Education in Post-Soviet Russia // *International Journal of Lifelong Education*. 2007. № 26 (5). P. 513–531.

Walker C. Space, Kinship Networks and Youth Transition in Provincial Russia: Negotiating Urban-Rural and Inter-Regional Migration. *Europe-Asia Studies*. 2010a. № 62 (4). P. 647–669.

Watson P. Eastern Europe’s Silent Revolution: Gender // *Sociology*. 1993. № 27 (3). P. 471–487.

Watson P. Explaining Rising Mortality among Men in Eastern Europe // *Social Science and Medicine*. 1995. № 41 (7). P. 923–934.

Willis P. Learning to Labour: How Working-Class Kids Get Working-Class Jobs. Farnborough: Saxon House, 1977.

Wolkowitz C. Bodies at Work. London: Sage, 2006.

Каныгин П. Гопники // *Новая газета*. 2008. № 33. С. 16–17 // <http://dlib.eastview.com/sources/article.jsp?id=14786242>

Капелюшников П. И. Российский рынок труда – адаптация без реструктуризации. М.: ГУ-ВШЭ, 2001.

Стефенсон С. А. «Ребята с нашего двора»: уличные подростково-молодежные компании в Москве // *Молодежные субкультуры Москвы* / под ред. Д. В. Громова, М. Ю. Мартыновой. М.: Институт этнологии и антропологии РАН, 2009. С. 195–223.

Чередниченко Г. А. Молодежь России: социальные ориентации и жизненные пути (опыт социологического исследования). СПб.: Изд-во Русского Христианского гуманитарного института, 2004.

Чарльз Уокер

PhD, доцент кафедры социологии и социальной политики

Саутгемптонского университета, Великобритания

электронная почта: charlie.walker@soton.ac.uk; jcharleswalker@gmail.com

Перевод с англ. М. Ворона